

Елена

Зейферт

СТИХИ О ВЗАИМНОЙ ЛЮБВИ

Моему мужу Юрию Вайханскому

От автора

«Стихотворение о взаимной любви» для меня скорее особая жанровая форма. Разреженный стежок ритма, страх оставить иголку в полотне, дышащая скульптура. Сгущённость – маркер кипения, драмы, боли. А достоинство лежит на легковесье мира. Стихи посвящены моему мужу Юрию Семеновичу Вайханскому, ушедшему из жизни в 2019 году.

АРБАТ

Художник сидит на ярком куске ткани и импровизирует. Но нам с тобой этого почти не видно, лишь фрагментами, когда удаётся заглянуть между людьми. Они стоят плотным кольцом и с интересом наблюдают за творчеством. Ты, не касаясь, ведёшь меня, мы пытаемся найти зазор между стоящими, но никто не спешит уходить. И вдруг ты тихонько берёшь меня за руку, пальцы твои деликатны, и тут я явственно вижу рождающийся у художника холст – там восходит солнце, горловое, городское солнце, оно греет мой рот. Мы больше не пытаемся протиснуться к художнику и, не сговариваясь, уходим. Пальцы твои выпускают мою ладонь и робко приветствуют моё предплечье, а вернее, мягкий рукав лёгкого пальто. Солнце уже взошло из горла и светит, насыщая внутренний апрель. Мы оба опускаем ресницы, у моих глаз твой взволнованный свитер, куртка расстёгнута. Я не знала, что ты так близко, ближе ко мне, чем я сама.

* * *

...этот долгий весенний золотой день, когда ты так заботливо кормил меня, – он не равен себе. мы с тобой не сможем ни удержать, ни потерять его. крестик с твоей шеи то и дело касался моих ключиц, рождая дополнительную ласку, Хрис-

тос лежал на кресте и в лодочке моей ключицы. ты видел, как он улыбался? и с твоих губ весь день не сходила улыбка. радость растёт ввысь, она не стелется по земле. ты всё время говорил о моей нежности, и кожа шёлково откликнулась, но восхищения не было много. я сделала что-то хорошее – промелькнуло у меня в голове, но не хотелось думать, просто хотелось быть. не изнутри, а снаружи я была девочкой, и руки мои были совсем маленькими на твоих плечах. мы оба изменились в этой круглой лодке моей ключицы, плывущей к ангелам, как крест плыл к дереву.

* * *

твой серебряный крестик всё ещё лежит в моей ярёмной ямке, и я днём бережно прикасаюсь к нему, к тебе, к себе

* * *

Ты откидываешь крестик за шею, чтобы он не падал мне на грудь, и я, обнимая тебя, сжимаю его в кулачке. Бог в моей ладони, лодка Его горяча. Представляешь, какие звёзды восходят сейчас за твоей спиной.

* * *

ты спохватился – у меня же есть садовые яблочки!

нет, не знакомые яблоки из нашего сада, а другие, кем-то подаренные тебе, антоновка.

ты принёс одно яблоко и дал мне его в руки. небольшое зелёное яблоко, складчатое, просторное, мне не хотелось выпускать его из рук, хотя я не люблю кислых яблочек.

«дай-ка я попробую его», – сказал ты, надкусил его

и воскликнул: «да, это оно, какой вкус хороший!» и вернул мне яблоко.

я держала его в руках, один бочок его был шероховат, но вся кожица блестящая, мне не хотелось его есть. улыбнувшись, ты забрал его и принёс мне сладкое яблоко из нашего райского сада.

ты не знал, что самым вкусным яблоком

для меня останется надкушенная тобой антоновка.

* * *

я давно испугалась игры – не стихий, не лучей:
словно кости, искусно подброшенных слов,
звучных пауз и мёртвых, чужих ночей,
и болезненных берегов.

а твои бережки терпеливо молчат,
пока ты подбираешь ко мне имена,
всё нежнее и мягче. робею, но вижу: растёт луна
между нами, луна мяча

наших чувств. он один на двоих.
он невидим, но чувствуешь, он катится вниз
и опять поднимается к горлу, и будто над нами висит.
бог мой, язык твой властен, мой голос взволнован, тих.

из тебя ничего из вещей не бежит! этот парк, это дерево там –
ты не брал их себе и не должен вернуть.
ровный свет, словно круглый прозрачный храм,
на твоём животе, и глаза – пожалуйста, будь.

буду, буду. ты вдоволь даёшь чистоты.
и ещё мне легко, мне легко.
а в твоём восхищении мною снова рождаешься ты,
не касаясь меня, лишь губами и языком.

* * *

эта робость, не знать, куда руки деть, может, грудь прикрыть,
мои волосы собраны в детский «хвостик», не сыплются по плечам,
ты несёшь мне бананы и яблоки, горячий чай,
я хочу целовать твои руки, я не ем и не пью с апрельской поры,
и у нас в прихожей живёт мой маленький страх,
он большой аскет, этот страх, он рослый, ну что я могу сказать,
лишь вдохнуть глубоко, любоваться, как ты отжимаешься на кулаках,
как намыливаешь мне живот и ласково смотришь в глаза.
у тебя в саду не росли такие смешные цветы,
из какого семечка девочка, так любящая твою власть, твой новый ход,
я теряю метафоры, зная, насколько реален ты,
я дарю подарки в этот сгущённый год.
моя повесть, мои стихи и мои непростые дела
оживают, пекутся о радости дней твоих,
глажу плечи твои, у тебя царапина на лопатке почти прошла,
удивительная царапина, она одна на двоих.

НЕСКОЛЬКО СОВЕТОВ СЕБЕ

имя его говори только ему
сожми это имя в нежный кулак
с людьми здоровайся кулаком
беги за ним, когда он за руку тянет тебя
при мигающем зелёном свете светофора через проспект –
вы успеете
он будет иногда простужаться, делая пробежки в апреле поутру в майке,
чихать, говорить в нос – кто из вас сильнее?
найди на его животе ложбинку, он покачает тебя в ней, как в колыбели
не ударься о боксёрскую грушу над его кроватью

* * *

на тебе не было сегодня даже крестика (порвалась серебряная цепочка), ты лежал на спине и улыбался, а я смотрела на твоё лицо, рельефные плечи и живот, восхищённо прикасалась к ним пальцами. эти руки растят яблоню рая, думала я, растят нашу дочь.

позволь мне сказать тебе, как ты красив. позволь поблагодарить.

ты желанный, желанный! сколько мёда я выпила из твоего рта. нет, твоё уважение, ласка и забота не сладки, чувство вкуса не отказывает тебе. откуда же этот блаженный мёд у меня во рту? ты так не любишь излишнюю сладость. я люблю твои поцелуи, стебель твоего языка, сладкие-сладкие семена. и ты даришь мне их вновь и вновь.

когда весной ты называл деревья, растущие в нашем саду, их было так много, я слушала тебя и улыбалась. этим деревьям очень повезло, их вовремя подкормят, польют. мне ли не знать твоё умение насыщать, угощать? твоя волнующая власть надо мной похожа на дерево, я могу прикоснуться к ней лицом, обнять руками.

рядом с тобой мне радостно быть нежной девочкой, чьи руки в ритме нашего общения лежат на твоих предплечьях или в твоих ладонях, девочкой с русыми волосами по плечам и учащённым дыханием, ищущей твои губы, ждущей мгновения одарить тебя.

прошу тебя – будь.

* * *

мы с тобой погорячились
все друзья и подруги бросились меня утешать, развлекать,
дышать мне в уши своим теплом
все сказали – уходи от него, мы тебя поддержим
наутро ты позвонил и извинился
ты спал, я лежала на твоём плече и наблюдала за своим мобильным,
в котором от меня по очереди отворачивались
все, кто обещал поддержку
подруга критиковала мои новые фото
другая писала о своей невозможной занятости в ближайшие недели
друг детства слал мне свои фото с обнажённым торсом

* * *

люди придумали всё стеклянным. стоя на полом стеклянном шаре, мы чувствуем. на наших плечах воздушные сосуды. мы сжимаемся от страха, всё звенит и бьётся вокруг. стеклянные голуби, и яблони прозрачны. эти стёкла не линзы. у кого из нас не были изрезаны руки осколками своих и чужих неосторожных жестов?

но ты другой, и я теперь не боюсь, что воздух разобьётся. я стою на прямом значении твоих слов и растущих от них дел, на тысяче моих фотографий в твоём мобильном, на твоих мозолях от борьбы за наше благополучие. больше нет ни стекла, ни страха вокруг меня. и ты говоришь мне: знаешь, в нашем саду яблоня зацвела.

* * *

– это моя фотография, –
говоришь ты.

– и моя, – согласно киваю я.

весенним утром я попросила тебя остановиться возле дерева
и сделала снимок.

– это я, – сказал ты, всегда критичный к своим моим изображениям.

– а мои стихи о тебе – твои?

ты улыбнулся:

– нет. но они близки мне.

на белёной стене

Его икона.

в Библии

Он.

в молитвослове

Ты.

Он узнает Себя везде.

Кто автор? Кто натура?

я напишу такие стихи, о которых ты скажешь:

– это я. это мои стихи.

– и мои, – скажу я.

ты зеркало, в которое смотрится мой слух.

* * *

на Боровицкой сегодня пусто, очень много людей (или солнца, озёр),
у колонны, где ты обычно стоишь, никого с утра,
у меня в кармане подарок тебе, фигурка – конный сапёр,
вот медвежья шапка его до самых бровей, стebelёк кровавой топора.

это мирный товарищ, наш человек, но случись война в дорогой Москве,
он наденет фартук, свой кожаный, белый щит,
и щепы полетит, и зазвонят топоры на его рукаве,
пусть не фыркают лошади под врагом – он нас защитит.

удивляюсь, смеюсь, прикасаюсь к лицу, зачем я сюда пришла,
мы встречались с тобой здесь в юности, но не сегодня, не в этот час,
у колонны много тепла, здесь бы яблоня расцвела,
здесь бы дети играли в добрый яблочный спас.

я в вагоне метро. захотелось увидеть тебя над собой,
я покорно сажусь, задираю к тебе лицо. хоть не вижу лица,
но гляжу – ты стоишь, поправляешь мне шарф. и это ли не любовь:
ты похож, так похож на моего молодого отца.

ГЕНИЮ МОСКВЫ

внутри тебя Москва, деревья, родники,
сакральные колокольчики;
священность, мягкость – твой источник,
икона на Поклонной горе.

ты постоянно защищаешь и растишь мою кротость,
с каждым днём делаешь меня всё тише, но больше.

в июньском тепле
Красная площадь не пустила нас внутрь себя,
чтобы мы издали ею любовались,
держась за руки, как дети.

я желаю тебе три исцеляющие вещи:
пусть наша дочь радостно спешит к тебе, несет свою ласку;
пусть наша яблоня растёт вверх и вниз;
пусть поезда, как игрушки, вовремя привозят в град Китеж
всё, что ты обещал людям.

* * *

сквозь невидимые стены
ты ещё краше
ещё достойнее

как у города
твоя личная история
протекает
в бережных границах
дарящих
защиту и покой

у городских ворот ручьи, вкусная еда

граница разделяет
и соединяет
ты только сам пересекаешь себя
идёшь за пределы своего города
ради приветствия
ради дарения

и ничего не выплёскивается
из цельного
златоглавого
твоего дня

ты так близко
что я слышу щебет
только твоих птиц

* * *

«шоколадница» на смоленской, мигающий светофор
на арбатской, встречи на боровицкой, весенний арбат
проросли в тебя и меня, как наш утренний разговор,
ежеутренний ритуал, всегда, в листопад, снегопад.

мне пришлось родиться здесь снова, одиннадцать лет назад,
и сегодня мне только двенадцатый юный год,
я расту к тебе детскостью, бережной из забот
и робеющим солнцем в тёмно-зелёных глазах.

я целую плечи, крепкие мышцы твои как нагую москву,
гений места, ты сам мне город, крепость, а я твой росток.
где хранишь ты, москва, златоглавый мой сон наяву,
в день рожденья прогулку, сиреневый перстенёк.

как я выжила в этом мире, знает один лишь Бог,
да, не женская это привычка руки тебе целовать!
как приятно уткнуться лицом в твою грудь, разрешая себя обнять,
целый город мне дышит в макушку, он высок.

Елена Зейферт родилась в 1973 году в г. Караганде. Профессор Российского государственного гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Московского государственного лингвистического университета, доктор филологических наук. Член Союза писателей Москвы и Союза переводчиков России. С 2008 г. живёт в Москве.

Автор книг стихов «Расставание с хрупкостью», «Детские боги», «Полынный венок (сонетов) Максимилиану Волошину», «Веснег», «Верлибр: Вера в Liebe», «Потеря ненужного» (стихи и переводы), сборника стихов и прозы «Малый изборонок», книги прозы «Сизиф & К°», книги критики «Ловец смыслов, или Культурные слои», монографий и учебных пособий по литературоведению и др. Составитель антологий поэзии и прозы. Публиковалась в журналах «Новое литературное обозрение», «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Литературная учёба», «Нева» и др. Победитель и лауреат ряда международных конкурсов, фестивалей и литературных премий.

